

Гу Янь прекрасно понимал: за тот месяц, что его не будет, Сюй Сяочжэнь вряд ли будет держаться подальше от Шэнь Ле. Если уж честно, он мог бы даже потребовать этого — но тогда рисковал бы разрушить с трудом восстановленное доверие.

Они оба альфы. Стоило Шэнь Ле мельком взглянуть — и Гу Янь уже знал, о чём тот думает. Такие взгляды на "брата" — не нормальны. И ни один брат не стал бы так настойчиво разрушать отношения старшего с его парнем... если бы не хотел занять его место.

Месяц его отсутствия — идеальное время для Шэнь Ле. А ведь совсем недавно между ним и Сюем всё было на грани. Гу Янь даже думал: не привязать ли Сюя к себе ремнём и увезти на Север. Жаль, невозможно.

Ему даже снилось, как Сюй признаётся, что уже вместе с Шэнь Ле и собирается расстаться.

К счастью, всё сложилось иначе. Сейчас Сюй — весь его. Честный, верный. И Гу Янь мог, наконец, не чувствовать себя ревнивым мужем на грани нервного срыва.

Вот почему он великодушно, заботливо выделил ему личные карманные средства — и даже нанял сиделку:

— Шэнь Ле всё ещё нужно восстанавливаться. Пусть кто-то заботится о вас двоих. Так я буду спокоен.

На самом деле, он хотел, чтобы за ними приглядывали.

Сюй Сяочжэнь не знал, о чём тот думал все эти дни, но был приятно ошеломлён такой заботой. Подумал, что Гу Янь, должно быть, всё переосмыслил, больше не сомневается в их с Шэнь Ле отношениях и, возможно, принял его как часть семьи.

— Не нужно... — начал он, смущённо отмахиваясь. Но улыбка расплзалась на лице и не собиралась исчезать. — Сам факт, что ты подумал об этом — уже много значит.

Но характер Гу Яня не изменился. Как только Сюй снова стал покладистым, он уже не был так мягок в словах. Лишь нахмурился — и Сюй тут же уступил:

— Ладно... как скажешь.

Через два дня Гу Янь отправился на Север.

Военная база Северного округа находилась в шестом административном секторе Империи — на самой северной границе, на широте 61°43'. Здесь царил вечный холод, а неподалёку пролежала граница с Седьмой Республикой.

Две державы вели нескончаемые конфликты. Даже во время перемирий стороны не забывали о «превентивных» действиях, так что на заснеженных равнинах Северной земли нередко вспыхивали горячие цветы — взрывы боеприпасов.

Когда Гу Янь прибыл, большинство офицеров уже были на месте. Он, самый молодой из высшего командования, приехал заметно позже остальных.

Но никто не осмелился сказать ни слова. Его побаивались — за ум, за происхождение. Ходили слухи: приказ о его повышении уже на столе у имперского Совета. Стоило показать себя на этих учениях — и Гу Янь станет самым молодым генерал-лейтенантом в истории Империи.

У аристократии карьера шла стремительно: кто-то добирался до центра власти за десятилетие. Но даже среди них никто не обогнал Гу Яня: в 18 лет — генерал-майор за боевые заслуги, а в 24 — почти готов к следующей ступени. Расстояние, которое другим недоступно даже за жизнь, он преодолел за шесть лет.

Вертолёт затих, вихрь снега осел на шинелях. Некоторые офицеры отряхнулись, недовольно нахмурились.

А Гу Янь медленно сошёл вниз. Чёрное пальто развевалось на ветру. Под ним — безупречно сидящий мундир. На груди — золотые медали, сверкающие в отражённом свете снега. Козырёк фуражки низко, глаза прикрыты тёмными очками. Пол-лица скрыто, виден лишь точёный подбородок и ровные, сдержанные губы.

Он, как всегда, держал голову высоко. И не думал извиняться за опоздание.

Никто не осмелился его упрекнуть. Напротив, бросились навстречу:

— Поздравляем! Молод, но уже такой уважаемый человек.

— Генерал-майор Гу... Хотя нет, скоро мы будем звать вас генерал-лейтенантом, верно?

Гу Янь приподнял уголки губ:

— Давно не виделись, господа.

Он протянул руку. На ней — перчатка из меха чёрной лисы, плотно облегающая запястье. Пальцы — длинные, с мозолями от оружия.

Кто-то из офицеров заметил:

— Отличные перчатки. Не похожи на магазинные.

Остальные перевели взгляд на его руку, и вслед за первым одобительно закивали:

— Сразу видно — не для галочки. С душой сделано. Повезло вам: рядом человек, который по-настоящему заботится.

— Ха-ха, молодёжь... сплошной сахар, — пошутил кто-то постарше. — А Гу Янь — внешность, выправка, фигура... всем бы такую. Не то что мы: стареем, никому не нужны.

Гу Янь вдруг вспомнил, как Сюй Сяочжэнь перед отлётом сунул ему эти перчатки — неловко, будто извинялся. Вспомнил взгляд — тревожный, нежный. А теперь — взгляды коллег, шутливые, почти завистливые.

Он не удержался: уголки губ дрогнули. Настроение выдало себя раньше слов.

— Да, не покупные, — проговорил он, чуть теплее обычного.

— Ну, у жениха — всё по-другому, — подхватил кто-то. — Видно, как старался. Забота в каждой строчке.

— Вам повезло, генерал. Младший господин Чэнь — образцовый омега. Если свадьба будет — обязательно зовите. Такая пара — загляденье.

Улыбка Гу Яня застыла. Они подумали, что это... Чэнь Баочжу?

Тот, с кем он виделся всего пару раз?

— Не он, — коротко бросил он.

В разговоре повисла пауза. Кто-то окинул его внимательным взглядом — пошли догадки. Новая невеста? Тайная связь? Старый роман?

Даже сквозь тёмные очки он ясно видел их выражения. Насмешка, интерес, попытки угадать. Всё приправлено вежливой вуалью — но в сущности всё то же приторное, липкое любопытство.

Лицо его потемнело. Он не стал ничего объяснять. Просто развернулся и ушёл.

Да, он был идиотом. Конечно, офицеры знали о Чэнь Баочжу. О мачехе. Но кто из них хоть раз слышал имя Сюй Сяочжэня?

Он — никто. Временный. Тот, кого легко заменить. Человек, о котором не принято говорить вслух. Ни один из них даже не догадывался, что рядом с Гу Янем есть такой человек — и уж тем более не знал, насколько тот его любит.

Если бы Гу Янь однажды назвал его имя, это не вызвало бы ни одобрения, ни восхищения. Только косые взгляды, кривые усмешки, пересуды за спиной.

□

После отъезда Гу Яня, Шэнь Ле всеми правдами и неправдами — уговором, мягким давлением, прямыми угрозами — заставил Сюя временно переехать к нему. Но вместе с ними заселилась и домработница — мрачная, почти немая, будто прописанная в сценарий лично Гу Янем.

Стоило им хоть немного сблизиться, она оказывалась рядом, как будто чувствовала — и вставала между ними, молча, точно стена.

К счастью, женщина была в возрасте и рано уходила спать. Так что у Шэня оставались способы обойти систему.

Сюй же нашёл себе новое занятие — следить за учениями. Через внутреннюю сеть академии. Официальные каналы показывали нарезки: торжественные марши, техника, вспышки выстрелов. Всё — в духе имперской пропаганды. Но у студентов военных и политических факультетов был доступ к закрытым трансляциям. Больше камер, больше информации, больше правды.

Имя Гу Яня всегда выделялось в списках. Найти его было просто. Иногда камера брала крупный план — и Сюй всматривался, пытаясь разглядеть руку. Не было ни следа боли. Ни намёка на слабость. Движения — точные, уверенные. Слово никакой травмы никогда и не было.

Учения были разбиты на шесть подразделений, каждый командир — во главе семитысячного отряда. Всё почти как на настоящей войне: добиться победы любыми средствами. С одним лишь ограничением — травмы допустимы, смертельные исходы исключены.

Подразделение Гу Яня шло без потерь. Очко за очком — он становился безоговорочным лидером.

В час ночи Сюй Сяочжэнь всё ещё сидел в комнате, обняв подушку, и не сводил глаз с голографического экрана. Переключал ракурсы, отслеживал каждое движение.

Перед сном домработница заглянула к нему, а спустя несколько минут уже отчитывалась Гу Яню:

«Господин Сюй, похоже, одержим вашей голограммой. Не отрывается от трансляции.»

Гу Янь в перерыве прочитал сообщение — и словно получил ударный заряд энергии. На следующем этапе он стал действовать жёстче, быстрее, агрессивнее. Его отряд буквально прошёлся катком по остальным.

Старшие офицеры только качали головами:

— Молодость... Энергия через край.

А вот адъютант — парень молодой, наблюдательный — заметил странную деталь. Например, на координатах 61°12'07"N, 7°11'12"W шла локальная осада. Её можно было завершить за секунды, заработать три очка и идти дальше. Это никак не повлияло бы на результат.

Но Гу Янь вел себя иначе. Почти демонстративно. Как школьник, который увидел, что за ним наблюдает симпатичная одноклассница, — и теперь обязан бросить мяч в кольцо с таким видом, чтобы казалось: «всё просто — и красиво». Пока не возьмёт десять из десяти — не уйдёт.

Адъютант решил, что это просто волнение. Первые учения, хочется произвести впечатление.

Тем временем, когда камеры на мгновение переключились с Гу Яня, Сюй Сяочжэнь быстро закапал себе глаза — от постоянного напряжения они уже слезились. И тут дверь спальни мягко отворилась. На пороге появился Шэнь Ле, с пачкой снеков в руках.

— Брат, я знал, что ты не спишь. Мне страшно. Пустишь к себе?

Не дожидаясь ответа, он сбросил пакеты на кровать, скользнул под одеяло и прижался к Сюю, будто это было самой естественной вещью на свете.

Сюй Сяочжэнь только что вышел из душа: в коротких шортах и белой футболке, кожа ещё прохладная, гладкая, волосы влажные, спадают на плечи. От него приятно пахло — чисто, свежо. Он молча подвинулся, уступая место.

На экране продолжалась трансляция. Он не отрывал взгляда.

Шэнь Ле открыл упаковку сушёного манго и протянул кусочек прямо к его губам. Сюй, как всегда, не отказался от сладкого — взял с его пальцев, не отводя глаз от экрана.

Шэнь Ле нарочно провёл подушечкой пальца по губам, скользнул по влажному языку. На коже осталась влага — она поблёскивала в свете голограммы.

Затем он, будто между прочим, коснулся собственных губ, как бы слизывая сахар.

Но Сюй ни разу на него не посмотрел. От начала и до конца — только на трансляцию.

Шэнь Ле придвинулся ближе, положил голову ему на плечо, обвил рукой талию. Ни реакции. Ни одного движения в ответ. Всё внимание — туда, где шло сражение.

Он тихо вздохнул, его дыхание скользнуло по чувствительной коже под затылком Сюя. Взгляд тоже был прикован к Гу Яню — проекция на фоне снега и всполохов.

Даже как соперник, он должен был признать: на поле боя Гу Янь выглядел безупречно. Власть, решительность — лучшие афродизиаки. А если к ним добавить внешность... У него было всё. В мундире, в огне командования, он становился почти невыносимо привлекательным.

Шэнь Ле с горечью отметил: его брат влюблён ещё сильнее, чем раньше. Это было видно по взгляду. Глаза Сюя не отрывались от проекции. И в этот момент ему хотелось одного — вырвать эти глаза. Просто стереть то, на что они смотрят.

Сейчас у него с Гу Янем было одно общее — чувство вины Сюя. Но власти, которой обладал Гу Янь, у него не было. И он подумал: а если изменить вектор? От науки — к парламенту? Сколько лет уйдёт, чтобы добиться того же?

Пальцы Шэнь Ле, горячие, медленно скользнули по талии, поднялись вверх, остановились на хрупкой спине.

Он гадал: если сейчас просунет руку под футболку — тот заметит? Или, может, даже не отреагирует. А может, сам возьмёт его ладонь и положит себе на грудь — просто чтобы отвязаться, как от назойливой мухи.

Шэнь Ле открыл банку газировки, протянул её к его губам:

— Брат... мне страшно.

Сюй Сяочжэнь наконец отвлёкся от экрана:

— Что случилось, А-Ле?

Он только что сделал глоток — губы остались влажными, словно после поцелуя.

Шэнь Ле прижался к его груди:

— Там была кровь... Я не могу смотреть на кровь.

На лице Сюй Сяочжэня промелькнула тень вины. Он мягко провёл рукой по его волосам:

— Прости. Может, тебе лучше пойти к себе?

Шэнь Ле отрицательно покачал головой — капризно, по-детски:

— Один не засну. Побудь со мной. Поговори со мной. Спи со мной...

В глазах Сюя потемнело. В теле — короткая, чужая дрожь. Он пытался сосредоточиться, вырваться из этого вязкого оцепенения, но слова Шэнь Ле рассыпались в голове, как в тумане. Он тряхнул головой... и потерял сознание. Тело обмякло — прямо в объятиях Шэнь Ле.

Голографическая проекция продолжала мерцать. Шторы были плотно задернуты, в комнате стоял полумрак, наполненный сладким, удушающим запахом манго и газировки.

Свободный ворот футболки Сюй Сяочжэня приоткрывал бледную, гладкую кожу. Он безвольно лежал в объятиях Шэнь Ле — и всё, что окружало эту сцену, казалось до болезненного правильным. Слишком ровным, слишком удобным — как нарочно созданным.

Шэнь Ле наклонился ближе. В его движениях исчезла привычная мягкость. Осталась только настойчивость, затянута в оболочку ласки. Под вежливостью и красивыми словами пряталось нечто искажённое, зловещее — то, чего он сам себе не позволял признавать.

Он знал, что Сюй Сяочжэнь не слышит. Но всё равно не смог остановиться:

— Брат... Брат, что мне теперь делать?.. Почему ты снова любишь его больше? — шептал Шэнь Ле. — Я думал, с таким идиотом всё просто: немного хитрости — и вы расстанетесь. Почему всё пошло не так?

Он с трудом вырвал Сюй Сяочжэня из рук Гу Яня, заманил в этот пропитанный его запахом дом, надеясь использовать момент. Надеясь вернуть его — через слабость, через заботу, через тело.

Он представлял простую сцену: нарезка овощей, «случайный» порез, ровно столько крови, сколько нужно. Брат наклонится, облизнет рану — не заметит, как палец окажется у него во рту. Мягкий, тёплый язык... может, даже поперхнётся, но не укусит. А потом — поцелуй. Быстрый, небрежный. Как будто ничего не было. Может, брат поймёт. Может — нет. Если кровь перестанет идти — выдавить ещё.

И так — снова и снова. Пока тот не станет вялым, податливым. Пока не сдастся.

Бедный, ничего не подозревающий Сюй не знал, что «невинный» младший давно вынашивал в себе эту тень. Что за его добротой стояли злоба и обида, выкормившие сотни фантазий — продуманных, пошаговых, с заранее выбранными точками давления. Он просто ждал, когда всё это станет реальностью.

Шэнь Ле поклялся себе: не пойдёт слишком далеко. Пока. Он будет брать понемногу — проценты. До тех пор, пока Сюй не станет полностью его.

Но Гу Янь всё разрушил. Вернул брата. Усилил контроль. Окружил их людьми, которые слушают, смотрят, вмешиваются. Даже эти крохи — исчезли.

Ожидание сводило его с ума. Отсутствие прогресса делало желания сильнее. Они становились грязнее, опаснее. И с каждым днём он смотрел на Сюя с прежним лицом — как ласковая собачка. Хотя внутри уже был хищник.

Когда в спальне Сюй Сяочжэнь дрогнула голограмма, Шэнь Ле не выдержал. Домработница, к счастью, уснула крепко — после еды и снотворного — и не помешала.

Он толкнул дверь, вошёл тихо.

Сюй Сяочжэнь спал — глубоко, безмятежно. Его лицо было почти детским: тёплая кожа, полураскрытые губы, ровное дыхание. Шэнь Ле наклонился, долго смотрел, едва касаясь пальцами его щёк, скулы, век. И снова почувствовал то же: нестерпимую смесь желания и злости.

— Ты ведь обещал, — сказал он вполголоса. — Всегда быть рядом. Всю жизнь. Но, как и все, ты нарушил слово.

Он опустил ладонь ниже, к горлу, ключицам. Пальцы двигались осторожно, будто изучали чужую карту, знакомую наизусть. Приподнял футболку, провёл по коже. Этого было мало.

Он склонился ближе, прижался губами к животу, к груди. Не торопясь, методично — как будто запоминал вкус, ритм дыхания, каждый звук. Сюй Сяочжэнь вздрагивал во сне, еле слышно стонал, но не просыпался.

Шэнь Ле продолжал, оставляя почти невидимые следы — ни синяков, ни укусов, только тепло, только едва заметное раздражение на коже.

Он знал, что не должен заходить дальше. Не сейчас. Утром всё должно казаться невинным. Или сном.

Он шепнул:

— Ты был моим. Единственным. А теперь раздаёшь себя чужим.

Он замолчал на мгновение, сдерживая подступившую злость.

— Но ты вернёшься. Я заставлю. Заставлю хотеть меня, искать, просить. А потом — отпущу. Чтобы ты понял, каково это — быть выброшенным.

Он коснулся губами его шеи, едва заметно.

— Ты сам научил меня любить тебя так. Научил — теперь терпи.

Он бредил. Говорил с братом, как с живым. Отвечал за него. Обнимал, прятал лицо в его шее, утыкался в грудь, как в спасение. Слезы пропитали футболку, оставили тёмное пятно на светлой ткани.

Он выглядел как покинутый муж, который на мгновение вырвал любимого из чужих рук — и теперь не отпускал.

На стене всё ещё работала голографическая проекция. Дрон дал крупный план: лицо Гу Яня — холодное, сосредоточенное — заполнило полкомнаты.

Изображение было реалистичным до боли — словно он и правда стоял здесь, в спальне, и смотрел, как Шэнь Ле, обезумев, держит Сюя в своих объятиях. И не просто держит — бросает вызов.

Шэнь Ле напоминал любовника, пробравшегося в дом в отсутствие мужа. И теперь, в разгар запретной близости, звонит тот самый муж. Только Шэнь Ле не чувствовал ни стыда, ни вины. Наоборот — был уверен: лишний здесь не он.

Он был первым. С самого рождения. Он держал Сюя, когда тот плакал. Он утешал. Если бы не Гу Янь со своей властью и красивыми фразами — всё давно было бы иначе. Он бы уже подчинил его себе. И тогда Сюй рыдал бы у него на груди, цепляясь за руки, моля остаться.

Гу Янь появился в проекции, но Шэнь Ле не отпрянул. Он поднял Сюя, подложил ладонь под затылок, склонился и коснулся губ. Осторожно, намеренно. Приоткрыл их, вкрался внутрь, вкусил его дыхание — как доказательство.

Он переплёл с ним пальцы, целовал медленно, с шумом — так, чтобы это было слышно. Сюй застонал во сне, еле слышно. Тогда Шэнь Ле слизал с его губ остатки влаги — с наслаждением, почти демонстративно. Как будто говорил: смотри, как я хорош. Смотри, как ему приятно.

Он не отводил взгляда от голограммы. Смотрел в лицо Гу Яня — и не скрывал вызова.

Гу Янь и представить не мог, что в этот самый момент, в другом месте, его предают.

Но даже сейчас Шэнь Ле не переходил черту. Он знал: стоит сделать хоть шаг дальше — и всё исчезнет. Любая грубость, любое насилие — и Сюй отвергнет его.

Он мог вынашивать любые фантазии, сколько угодно. Но реальность была другой. Пока — он знал своё место. И своё время.

Сейчас, когда между Сюй Сяочжэнем и Гу Янем будто бы снова вспыхнуло прежнее чувство, Шэнь Ле тем более не смел зайти слишком далеко.

Он лишь зарывался пальцами в мягкие волосы у основания шеи. Безумие уже разъедало остатки здравого смысла, но он держал себя в руках. Только прикоснулся к губам брата, втягивал их, обводил языком — осторожно, почти невесомо, не оставляя следов. А потом — холодный душ. Возвращение. Объятия. Сон. Утром — привычная тревога: не припухли ли губы?

Когда Сюй Сяочжэнь проснулся, сначала не понял, где он. Глаза открылись медленно. Тело было придавлено тёплой тяжестью — и он почти машинально решил, что это Гу Янь. Но уже через пару секунд понял: нет. Это Шэнь Ле.

Тот прижался ближе, его волосы щекотали шею. Он зашептал с приторной нежностью:

— Братик... Доброе утро. Как спалось?

Сюй Сяочжэнь задумался, пытаясь нащупать, что именно его тревожит.

— Странно, — сказал он. — Будто во сне... собака вцепилась в мои губы.

Шэнь Ле вздрогнул. Его лицо дёрнулось, на секунду застыло. Потом он прижался ещё крепче, но уже без мурлыканья. Тихо заскулил — будто не от нежности, а от того, что что-то пошло не по плану.

Сюй Сяочжэнь, взрослый, давно не наивный, вдруг понял: это уже не просто капризы. Это — странно. Особенно учитывая, что Шэнь Ле — альфа. Они же просто спали, верно? На расстоянии. Под разными одеялами.

Он осторожно отодвинулся.

— А-Ле, больше не приходи ко мне ночевать. Нам... не стоит так.

Лицо Шэнь Ле на глазах менялось: то бледнело, то наливалось зелёным страхом. Он вцепился в одеяло, будто в спасение. Неужели брат что-то понял? Неужели лекарство отпустило раньше времени?

А потом вдруг расплакался. Сначала тихо. Потом уже с хрипом, уткнувшись в подушку:

— Братик, я не хотел... я просто... я так скучал. Я так завидую твоему парню...

Сюй Сяочжэнь смотрел на него с недоумением. Он же и слова упрёка не сказал — с чего вдруг такие слёзы? Чем старше, тем чувствительнее стал... Вздохнул тяжело, с лёгкой досадой взглянул на него.

Шэнь Ле весь сжался под этим взглядом. Он не должен был... правда не должен... Но он не мог удержаться. Хотел бы — не смог бы это признать. Уголки губ дёрнулись:

— Братик, о чём ты?

Футболка чуть зацепилась за кожу, и в груди у Сюй Сяочжэня будто зачесалось. Он машинально коснулся этого места — и в тот момент Шэнь Ле едва не развалился на куски.

Понял. Он всё понял. Братик всё знает. Только... когда именно он пришёл в себя?